

Н.А. Дубова

***Не всегда серьезные
воспоминания о медико-
биологических изысканиях
в Абхазии и Азербайджане***

Комплексность – это замечательно, но не просто.

Медицинские и антропологические исследования в Абхазии... Не будучи участником первых экспедиций по изучению долгожительства в этом чудесном уголке Причерноморья, не могу поделиться своими впечатлениями о начальных стадиях работы, о разработке программы, маршрутов, выборок и пр. Но в памяти остались отзвуки этого грандиозного комплексного начинания, которые за многие сотни километров дошли и до столицы, благодаря впечатлениям и рассказам участников полевых выездов, обсуждениям на заседаниях сектора, на ученых советах. Очень хорошо помню, что еще при зарождении этой темы, меня как исследователя привлекла в ней идея комплексного изучения значительной части населения Абхазии. Комплексность обследования должна была выразиться в том, что каждый долгожитель и члены его семьи, а также контрольная выборка семей «недолгожителей» прошли бы обследование по всем методикам, которые планировалось применить и на каждого пробанда был бы заполнен своего рода «паспорт», где нашли бы отражение результа-

ты всех обследований. Это, прежде всего, генеалогическое описание всей абхазской популяции; затем подробное медицинское исследование, включавшее осмотры обследуемых терапевтом, невропатологом, офтальмологом, получение кардиограммы, электроэнцефалограммы, общего и специальных анализов крови; кроме того, изучение общих размеров тела, конституции, показателей физического развития, признаков, характеризующих биологический возраст индивидуума (в том числе рентгенографических), исследование кожного узора пальцев и кистей рук, особенностей морфологии зубной системы, изучение размеров и описательных характеристик головы и лица; получение сведений о материальной культуре абхазов, бытующих среди них обычаях, обрядах, традициях; сравнительное психологическое изучение населения, включая разнообразные тестовые и другие методики; сбор демографической информации по данным текущей статистики и в архивах; исследование системы питания семей, где есть долгожители и где их нет, этнографическими и диетологическими методами; социологические опросы с различными целями; составление пофамильного состава популяции и история его сложения, а также другие, не упомянутые мною программы. Столь разнообразного исследования, мне представляется ни антропология ни этнография-этнология ранее не знали.

Материал, который был бы получен в результате разработки данного проекта, мог дать ответы на множество вопросов, волновавших умы исследователей не только в аспекте феномена долгожительства, но и во многих других. В частности, применение в одной и той же группе медицинских и антропологических методов исследования, могло бы существенно развить представления о факторах, влияющих на появление и развитие

заболеваний различной этиологии, дало бы медицине основания по новому оценить степень эффективности лечения в зависимости от индивидуальных (в том числе и конституциональных) свойств человека... Знание реальных родственных взаимоотношений в группе, точное определение круга брачных связей сделало бы возможным, с одной стороны, оценить как внутри- так и межпопуляционную изменчивость разнообразных характеристик человеческого организма, а с другой выявить степень однородности многих этнографических параметров абхазов...

В Сухумском обезьяньем питомнике, 1969 г.
(фото Г.В. Рыквиной)

Одновременное применение социально-психологических методик и получение электроэнцефалограмм, изучение неврологического статуса показало бы степень взаимозависимости индивидуальных базовых (физических) характеристик человека с воздействием социальной среды...

Перечисление можно было бы продолжать

достаточно долго. Но, к сожалению, реальная комплексность даже на уровне сбора материала не была достигнута полностью. Несмотря на значительные усилия руководителей проекта В.И. Козлова, А.А. Зубова и представителей науки США, многие проблемы так и остались нерешенными, включая даже тот самый «паспорт обследуемого». Вопросы возникали на каждом шагу. Например, одна из самых важных отправных точек лю-

бого обследования – формирование выборки. Здесь сталкивались самые противоположные подходы. Например, исследователи, которые занимались построением генеалогических схем абхазских сел – И.И. Крупник и М.А. Членов с помощниками – придерживались патрилинейного метода построения их¹. То есть при выяснении родственных связей пробанда (как мужчин, так и женщин) учитывались его родственники только по мужской линии; «женский долгожительский вклад» в расчет не принимался. Специалистами из других подразделений Института, в частности, Г.М. Афанасьевой, высказывалось, с моей точки зрения, совершенно обоснованное мнение о неполноценности такого рода схем, которые по указанной причине не охватывают все население изучаемой популяции, не фиксируют всех родственных связей, имеющих в группе. Получаемые таким «усеченным» путем схемы не могут в дальнейшем служить материалом для расчета генетических показателей о степени инбридинга, о реальном репродуктивном объеме популяции и др. Учитывая разные обстоятельства, материал собирался первым методом. Но эта дискуссия сыграла немаловажную роль и, не исключено, что явилась своеобразным толчком для Г.М. Афанасьевой, которая через несколько лет не только разработала свою методику сбора таких данных, но и собрала колоссальный по объему и по территории охвата материал, подготовила несколько учеников.²

¹ См., например, Крупник И.И., Членов М.А. Генеалогии в изучении абхазского долгожительства // Абхазское долгожительство. М., 1987.

² Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Опыт генеалогических описаний (на примере чукчей) // Советская этнография. 1986; № 3; Они же. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах // Методика этнологических и антропологических исследований.

Второй, намного более близкий мне по кругу интересов, пример, о всех гранях которого, конечно же больше могли бы поведать другие антропологи, в частности Г.А. Аксянова и А.А. Воронов, руководившие не один год антропологическим отрядом в составе комплексных экспедиций. Тем не менее, и мне пришлось столкнуться с этой проблемой уже «на закате» данного исследования и при проведении следующего – комплексного изучения адаптации русских старожилов Закавказья. Я имею в виду подход к выборке медиков-геронтологов и антропологов. Геронтологи, уже в силу своей специфики изучают процесс именно старения организма, а не возрастных изменений его в целом. Медицина,³ как мне уже неоднократно приходилось отмечать, исходит из представления не индивидуальной, а общей для всего человечества «норме» развития, поэтому и возрастную динамику различных показателей у долгожителей можно, с ее точки зрения сравнивать с этой «общечеловеческой нормой». Поэтому-то основной выборкой геронтологов являются собственно дол-

Книга 1. М., 1992; Афанасьева Г.М. Традиционная система воспроизводства нганасан (проблема репродукции обособленных популяций). Ч. 1-3. М., 1990; Она же. Чукчи. Популяционно-демографический статус (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). М., 1999; Она же (Ред.) Современные тенденции репродуктивных процессов у народов Севера (Социально-демографический аспект). М., 1996; Пивнева Е.А. Манси. Популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII-XX вв.). М., 1999 и др. К сожалению, подобные фундаментальные работы проводились пока, как видно из перечисленных публикаций, только для народов Севера.

³ См., например, Дубова Н.А. Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991; Дубова Н.А., Созинова Н.Д. Антропологический подход к характеристике заболеваемости // Вестник антропологии. Вып. 4. М., С. 17-29 и др.

гожители, т.е. население старше 80-90 лет и как контрольная группа – люди старческого возраста, т.е. старше 60 лет. Антропологи же, как хорошо известно, изучая изменчивость показателей внутри всей популяции, в идеале должны обследовать население всех возрастов, т.е. от рождения до глубокой старости. Но это только в идеале. На самом деле все исследования возрастной динамики антропологических признаков можно разбить на две группы: во-первых, изучение детей и подростков, т.е. процесса формирования различных особенностей организма человека, и, во-вторых, оценка изменчивости характеристик во взрослом состоянии. Первая группа работ охватывает возраст от 5 (иногда 3 или 7 лет) до 20-25 лет; вторая – от 20-25 лет до 60 (редко до глубокой старости). Каждая из этих групп обладает своей, достаточно обширной библиографией, имеет свои хорошо обоснованные выводы, но произведения, посвященные изучению всего возрастного ряда, практически отсутствуют как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Кстати сказать, мы постарались исправить это положение при исследовании русских старожилов Закавказья, включив в анализ антропологические признаки населения от 5 лет до глубокой старости...⁴ Но вернусь к долгожителям.

Главная исследовательская коллизия заключалась при начале работ в том, что киевляне из Института геронтологии АМН СССР под общим руководством в то

⁴ Дубова Н.А. Особенности антропологического типа русского сельского населения Азербайджана // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. М., 1989. Ч. 2. С. 104-135; Она же. Антропологический облик русского сельского населения Закавказья // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992. С.161-198 и др.

время замечательного невропатолога, великолепного диагноста С.М. Кузнецовой привычно для себя считали необходимым обследовать абхазов старше 60 лет, а антропологи НИИ и Музея антропологии МГУ, изучавшие общие параметры тела, лидером которых был неординарный человек, вдумчивый исследователь О.М. Павловский, должны были получать параметры «зрелой» части популяции – от 25 до 60 лет. Таким образом, уже здесь нарушался тот самый принцип комплексности, который был заложен в основу всего проекта. Положение усложнялось тем, что «долгожительские» семьи, т.е. те, где были зафиксированы люди, прожившие более 90 лет, необходимо было сопоставить с «недолгожительскими», изучив представительные выборки из обеих частей популяции. Самым простым выходом в этом случае было бы именно то, что и предполагалось изначально – обследование всех пришедших по всем программам. Но полный медицинский осмотр занимал в среднем 1,5–2 часа, в некоторых случаях затягивался до 3–4 часов, обследование же антропологов длилось не более 0,5 часа, что, с одной стороны, вело к уходу какой-то части приглашенных, а с другой, к перегрузке одних членов экспедиции и нерациональному использованию времени другой. В то же время загруженность всех участников проекта разнообразными текущими работами, ограниченные финансовые возможности и обычная, несмотря на международный статус мероприятия, нехватка «расходных материалов» (реактивов, бумаги для кардиографа, энцефалографа и пр.) не позволяли сильно увеличить длительность полевого сезона. Поиски компромисса продолжались все время работы над проектом и даже после этого – при разработке темы «Адаптация русских старожилов Азербайджана». Все же, и геронтологи сочли необходимым исследование

контрольной выборки населения моложе «долгожильческого возраста», и антропологи стали обследовать население всех возрастов.

Абхазское гостеприимство

В 1981 г. я также была приглашена для участия в работе этой экспедиции, уже практически на завершающем этапе работы над проблемой. Мне поручили руководить небольшой группой, в которую входили Нина Сергеевна Смирнова – замечательный человек, великолепный морфолог, прекрасный знаток всех нюансов конституции человека из НИИ антропологии МГУ; Витя Воинов – студент каф. антропологии МГУ, интересовавшийся вопросами именно соматологии и неизвестно куда пропавший после окончания университета, и Александр Иосифович Дубов – антрополог и этнограф, хорошо понимающий морфологию лица, разработавший именно в эти годы свой подход к определению внешних признаков старения организма.⁵ Наша группа была приписана к отряду Андрея Александровича Воронова, исследовавшего в тот год абхазов с. Ааци. Мы же были автономным образованием именно ради того, чтобы обеспечить одновременное обследование по медицинской и антропологическим программам населения абхазского с. Дурипш Гудаутского района. В Дурипше кроме нашей группы работали геронтологический отряд под руководством Владимира Александровича Большакова и этнопсихологи, которых возглавляла Галина Васильевна Старовойтова. Все мы размещались на двух

⁵ Дубов А.И. Динамика изменчивости некоторых морфологических признаков «постарения» в двух этнических группах // Актуальные вопросы геронтологии и гериатрии. Материалы II республиканской конференции. Тбилиси, 1982.

этажах средней школы, расположенной в самом центре села.

Из множества впечатлений от этой поездки хотелось бы выделить прежде всего те, которые я назвала для себя «суровыми условиями абхазского гостеприимства». Они связаны с тем методом сбора представительной антропологической выборки, который решено было использовать, исходя из отмеченных выше особенностей материала, необходимого геронтологам и антропологам. Для того, чтобы иметь представление о представителях всех (или практически всех) поколений, живших в то время в Дурипше, мы с А.И. Дубовым и В. Воиновым предприняли попытку измерения и описания головы и лица жителей села по домам, т.е. не приглашая их специально для обследования в стационар, устроенный для геронтологов в местной больнице. Кроме того, каждый день с утра мы проводили свои измерения людей, приглашенных на медицинское обследование.

С середины дня мы совершали обход улиц Дурипша, заходя в каждый дом и прося разрешения измерить всех его жителей старше 5 лет, кто находился дома. Организовывал наши походы и представлял нас молодым и пожилым абхазами «прикрепленный» к нам председателем колхоза Костя Габния – директор Дурипшского краеведческого музея. Большую помощь оказала нам также Уля Герзмава и вся ее семья. Думаю, что всем, побывавшим не в курортных районах Кавказа, не надо подробно объяснять, как тепло и сердечно встречают там хозяева гостей. «Суровость» этих условий заключалась в том, что в каждом доме гостеприимный хозяин считал своим долгом обязательно не только накормить нас всем, что рождает абхазская земля (фруктами,

конечно же мамалыгой – кашей из кукурузной муки, прекрасно приготовленной курицей, сулугуни и пр.), но обязательно и вдоволь напоить нас великолепным домашним абхазским вином из винограда «Изабелла». Больше того, любое застолье начиналось с нескольких рюмок чачи – крепчайшего (доходящего 70⁰) виноградного спирта домашнего же изготовления. Наша задача состояла в том, чтобы любыми способами, не обидев хозяев, постараться употребить минимум-минимум спиртного, т.к. за день надо было обойти не менее 20-25 домов, чтобы к окончанию работы экспедиции была бы получена вполне представительная антропологическая выборка и чтобы цифры, полученные нами в конце рабочего дня, адекватно отражали реальные размеры обследуемых.

Неоценимую помощь оказывал нам Костя, хотя стоило это ему очень немало. Спасла нас, на самом деле, не очень радостная деталь. Незадолго до приезда экспедиции в Дурипш Косте была сделана серьезная операция, и ему было строжайше запрещено злоупотреблять не только спиртным, но и различными кулинарными изысками. Все в селе это знали и не могли подвергнуть тяжелейшему испытанию своего друга. Но не оказать нам гостеприимства совсем они тоже не могли. Так, в этом «единстве и борьбе» мы и проводили свои работы. Один особо яркий случай до сих пор временами возникает в памяти. Вторая половина дня, часа четыре. Наша группа прошла уже несколько домов, где смогла оценить и вкус мамалыги, и твердой и жидкой виноградной продукции, и пр. домашние блюда. Заходим в очередной дом, проводим необходимые измерения... Пока мы определяем характеристики у последнего из находившихся дома, обращаем внимание, что как обычно накрывают стол со всеми описанными выше деталя-

ми. Умоляюще смотрим на Костю. Он начинает вежливую, но эмоциональную беседу на абхазском языке с хозяйкой, объясняя ей, в частности, что до захода солнца остается еще достаточно времени, что нам необходимо проделать определенный объем работы и пр., пр., пр. Хозяйка, кажется, входит в наше положение, мы угощаемся со стола необходимым минимумом, от всего сердца благодарим и небольшой «стайкой» движемся в сторону калитки. Но не тут-то было. Почти подойдя к замечательной колючей естественной изгороди из дикого мандарина, которой огорожен каждый абхазский участок, мы оборачиваемся, чтобы последний раз попрощаться и поблагодарить хозяев и что же?... Из дома, пытаясь отрезать нам дорогу к отступлению и делая для этого «семимильные» шаги, бежит худощавый высокий хозяин. В руках он держит обеденный стол, накрытый скатертью, края которой развеваются по ветру. Стол почти полностью накрыт – не хватает только тарелок, столовых приборов и, конечно же, рюмок. Но все это несет также спешащая вслед за хозяином его жена. Стол ставится поперек дорожки прямо перед нами, тут же появляются стулья, и... что же нам оставалось делать в этом случае, как не произносить тосты за гостеприимство!

Думаю, что многие, не ездившие в поле и не собиравшие антропологический и этнографический материал, скажут: «Да зачем же все эти сложности? Вам поручено провести обследование. Вы больше в это село скорее всего никогда не приедете. Чего считаться-то с тем, что фактически мешает работе?! Сами, небось, любители домашнего вина и проч., поэтому и делали вид, что не можете отказаться!» Но в том-то и состоит, с моей точки зрения, специфика этнографии (да и антропологии тоже), что мы не имеем права нарушить те традиции, которые имеют место быть в том сообществе, которое изучается. Чтобы люди поверили нам, этнографу

рассказали о том, что семья хранит не одно поколение, антропологу разрешили себя измерить, а то и взять отпечатки пальцев, образцы крови из вены или хотя бы пальца, надо, прежде всего, уважать этих людей, их обычаи и законы. Конечно же, надо уметь и отличить истинные традиции от выдуманных, искреннее гостеприимство от боязни ослушаться «начальство», прославившее исследователей. Этим, наверное, и отличается специалист от дилетанта. Одним из лучших показателей успешности проведения экспедиции в этом отношении является возможность не один раз вернуться в то село, кишлак, деревню, аул..., где исследования проводились ранее, и встретить радушный прием. Более того, если исследователю удалось расположить к себе население в первый приезд, в последующие жители встречают его уже почти как своего. Могу сказать, что и другому специалисту из того же учреждения или той же специальности, «отзывается» то, как работали в этих селах до него. За все мои 30 с лишним экспедиционных выездов, прежде всего в Средней Азии и в Приуралье мне приходилось сталкиваться и с хорошей памятью людей, которая очень помогала, и с осторожной, которая зачастую даже лишала возможности проводить исследования. Видимо, как и медику, этнографу, этнологу, антропологу необходимо всегда помнить девиз «не навреди!».

*«А дорога серою лентою вьется,
справа поворот - осторожно, шофер!...»*

Сколько путей-дорог удалось пройти и проехать за все годы работы в экспедициях. На каждой было что-то особенное, трудное, веселое, забавное... Нельзя ни слова не сказать о водителях наших «боевых машин этнографа-антрополога» - ГАЗов и УАЗов. В своих

очерках многие из нас о них вспомнили, в каком-то контексте далее и в моем тексте некоторые из них тоже упомянуты. Немало сведений об этом содержится в очерке А.Н. Ямскова, но тема эта – поистине необъятна. Не буду уж говорить обо всех водителях, с которыми меня сводила экспедиционная жизнь, т.к. к юбилею сектора этнической экологии это отношения не имеет, но шофер в экспедиции (конечно в той, где есть автомашина! в той, где ее нет – все по водителю тоскуют) занимает такое важное место, что и я не «могу молчать». Первый водитель, которого необходимо упомянуть в связи с исследованиями на Кавказе, в которых я принимала участие – это Юра (фамилию уже не помню). Вклад его в сбор антропологических данных был незабываем. Не буду уж подробно описывать, почему, когда и как мы выехали на его машине из Дурипша в Аацы на «свидание» с основным антропологическим отрядом. Ехали по серпантину Дурипша на весьма немалой скорости, затем на очередном крутом повороте как лихие каскадеры пролетели на двух левых колесах его некоторый участок, а потом, конечно же, перевернулись, упав около чайной плантации на правый борт грузовика, поломав переднюю стойку кабины, ее дверь, разбив вдребезги стекла и чудом оставшись в живых, т.к. в полуметре от наших голов оказалась вертикальная труба (около 20 см в диаметре и около 1 м высоты), посредством которой осуществлялась поливка участка. Мы-то знали, что отделились весьма легкими при таких обстоятельствах травмами, а вот начальнику отряда Володе Большакову пришлось пережить несколько весьма тяжелых минут, когда он сначала увидел покореженную машину, а потом уже нас... Самого же Юру, в первые минуты после аварии мало интересовало, что случилось с его пассажирами (в кузове ехали мы с А.И. Дубовым, а его экс-

педиционная подруга – в кабине), он все убивался, как же так: он – бывший автогонщик и не смог вывернуть руль при таком простом повороте. Далее, учитывая серьезные повреждения автомашины, «разборки» пошли уже по-крупному: между начальниками и заместителями начальников, один обвинял другого, тот – первого и т.д., но закончилось все вполне миролюбиво. Единственный орг. вывод касался самого Юры – его не взяли в следующие экспедиции, не помню даже, сообщили ли все подробности на академическую автобазу. Сор из избы выносить надо осторожно!

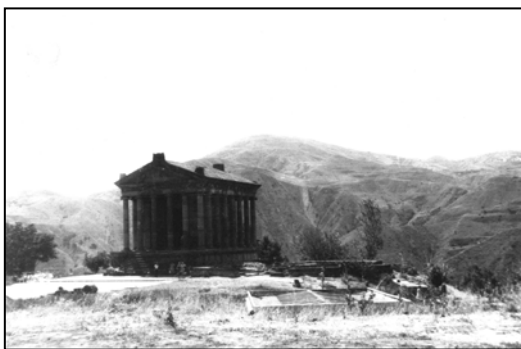

Около стен Гегардского храма, Армения:
Е. Веселовская, В. Потапова, В. Малюткин, Л. Мкртчян, А. Дубов,
Н. Дубова, А. Мкртчян. 1983 г.

В апреле 1983 г. в комнату (тогда еще на ул. Дм. Ульянова, 19) зам. директора по общим вопросам Евгения Владимировича Шелонина, вошел, нагибая голову в проеме двери. не хилого телосложения молодой человек. На вопрос, «как его фамилия», он скромно ответил, что она соответствует его росту – Малюткин. Так мы познакомились со Славой – Вячеславом Александровичем, - который и повел в том году наш вездеход типа УАЗ-469 от Москвы до Ташкента и далее. Чего только нельзя было организовать в советское время!

В начале 1980-х годов Г.М. Афанасьева, Ю.Б. Симченко и В.П. Алексеев и я затеяли очень, с моей точки зрения, интересную и важную работу: изучение изменчивости антропологических признаков в разных популяциях – малой (или деде), группе малых популяций, сложной системе разных популяций и т.д. Моделью решили избрать население Западного Памира, учитывая историю его заселения, большое число в разной степени изолированных ущелий, общее сходство антропологических особенностей населения и пр. Целенаправленные сборы полевого материала планировалось начать в 1983 г. Поскольку столица нашей Родины находится на весьма солидном расстоянии даже по прямой от Западного Памира, а перевозка автомашин на платформах – вещь очень не надежная, да и опасная (многие водители только из-за платформ отказывались ехать в экспедиции, т.к. неоднократно были случаи, когда на сопровождавших машины водителей совершались нападения), было решено ехать своим ходом. Но не просто ехать, а по дороге собирать материалы по необходимым для сравнения контрастным группам населения. Так мною был составлен маршрут, благодаря которому мы должны были добрать некоторые характеристики в с. Дурипш, затем обследовать курдов-йезидов Армении в

Арагацком районе, затем, преодолев Каспийское море, поработать среди белуджей Иолотанского района Марыйской области Туркменистана, а

Храм в Гарни, Армения. 1983 г.

завершить наше турне – в знаменитом корейском колхозе «Политотдел» под Ташкентом. Именно в столицу Узбекистана должны были прибыть участники Памирской экспедиции, чтобы оттуда выехать прямо для работы уже на «крыше мира». Читающие эти строки, наверное, уже думают: «Причем тут Памир, изменчивость, белуджи и пр.?» Да были бы, действительно, совсем ни при чем, если бы, во-первых, во время нашего «вояжа» до Ташкента В.П. Алексеев не получил отказа в проведении экспедиционных работ в пограничных районах Таджикистана (напомню – в 1979 г. в Афганистан был введен ограниченный контингент советских войск) и поэтому исследования в этом году провести не удалось. Добавлю – затем получила тяжелейшую травму Г.М. Афанасьева, что полностью лишило ее возможности проводить данные работы, а другие участники также по разным причинам не смогли этого сделать. Во-вторых, вследствие именно этого, в аэропорту г. Ташкента вместо В.П. Алексеева и других антропологов я увидела счастливого Толю Ямскова, который должен был ехать.... в Сухуми (т.е. в начальный пункт нашего специально продуманного маршрута!) с целью

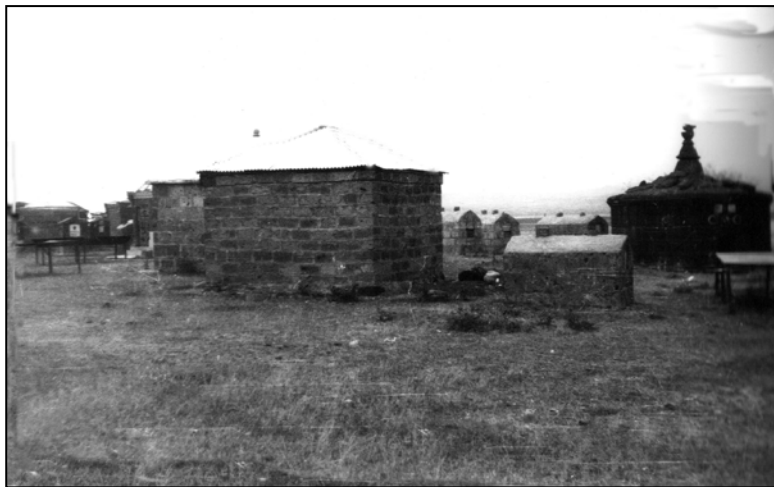
Намогильные камни-кони на старом курдском кладбище. с. Алягез Арагацко-го района Армении. 1983 г.

проводить в Аб-
хазии исследова-
ния именно по
долгожительской
тематике. И, в-
третьих, водите-
лем, провезшим
нас через все тер-
нии к звездам
Самарканда и
Ташкента, был
Слава Малюткин,
который затем
еще сезон 1984 г.
работал в долго-
жительской экс-
педиции.

А «тернии»
были на пути не-
малые. Это и по-

ломка двигателя УАЗа в Ереване (огромное спасибо роди-
телям аспирантки отдела антропологии Рузаны Мкртчян и
их друзьям, которые в выходные дни помогли снять дви-
гатель с машины, нарезать в нужном месте в нем резьбу и
все отладить!). И полчища «кровожадных» жуков, жучоч-
ков, бабочек, скорпионов, фаланг и прочих чудесных соз-
даний при попытке заночевать в песках неподалеку от
Мары. И каждое утро перед началом работы в колхозе им.
Калинина, где живут белуджи, накрытый в гостинице
стол с запотевшими (на улице около 40^0 С в тени, а в
холодильнике - 5^0) стандартными емкостями шампан-
ского и водки (по одной на каждого члена экспеди-
ции)...

Но что нам удалось увидеть благодаря этой поездке! Если бы не таковое стечение обстоятельств, когда бы мы слышали великолепное пение старинных армянских песен в исполнении Л. Мкртчян (мама Рузаны) под сводами вырубленного в скалах храма в Гегарде; увидели бы парящий в воздухе в окружении заснеженных вершин храм в Гарни; поразились бы древним курдским надгробиям в виде коней и традиционным (ныне, видимо, уже совсем отжившим свой век) домам курдов во многих деталях, не говоря уже об общем плане, сходным с домами горных таджиков; были бы воодушевлены примером корейских тружеников, превративших выделенные им при переселении с Дальнего Востока откровенно болотистые и запущенные земли в богатое, приносящее миллионные доходы хозяйство.

Это – не дома, а надгильные сооружения курдов. Справа – более древние, слева – современные, поменьше – более простые. С. Алягез Арагацкого района Армении, 1987 г.

ВСТАВКА!!

Мне удалось даже, по стечению обстоятельств быть врачом на спортивном состязании по хоккею с мячом. Раз уж об этом зашла речь – два слова о подробностях. В знаменитом колхозе Политотдел под Ташкентом, который выделялся как оазис в степном окружении других поселений, нам выделили для жилья небольшое гостиничное помещение, расположенное под трибунами местного стадиона. У тех, кто бывал в среднеазиатской глубинке, наверное, возникнет образ деревянного, а скорее глинобитного «сараяобразного» полуразрушенного помещения. Совсем нет. Это был добротный каменный, достаточно «вместительный» стадион с водопроводом, душами, другими удобствами. Да, да, в селе, в Средней Азии был стадион тогда еще союзного значения, на котором проходили соревнования первенства СССР!

В один из дней нашего пребывания как раз и проходил матч между двумя командами (уж и не помню – какими) по травяному, русскому хоккею. Команда, организовавшая матч обязана была обеспечить его и врачом, но не сделала этого, даже и не знаю по каким причинам. Приехавшие на состязание соперники поставили ультиматум: или врач на стадионе или они не участвуют в матче. Организаторы были в полной панике. А тут попались мы: все же в селе нас уже знали – из Москвы (значит что-то знают и умеют), занимаются чем-то напоминающим медицину и пр. Начали меня уговаривать, что ничего не надо будет, только поприсутствовать и расписаться в протоколе соревнований. Иначе нарушался по вине организаторов график соревнований, на них налагались всяческие наказания и т.д. Я, конечно же не подозревала, иногда глядя на такие матчи в экран телевизора, и поэтому все таки согласилась.

Да, ничего в мире не дается просто так. Как же эти бедные «травяные хоккеисты» разбивают друг друга! Почти каждые пять минут мне приходилось брызгать специальным обезболивающими лекарствами, о существовании которых до этих дней я и не подозревала, на колени, локти, голени, лбы, обрабатывать небольшие, а иногда и вполне заметные открытые ранки... По окончании матча подумалось: «Слава Богу, что не произошло ни одного серьезного происшествия. Что бы я делала, если бы кто-то сломал ногу и еще того хуже – потерял бы, например, сознание...». Чего только не приходится делать, чтобы обеспечить сбор антропологического материала!

КОНЕЦ ВСТАВКИ!!!

Что уж и говорить о том антропологическом опыте, который удалось приобрести, увидев такое разнообразие человеческих лиц. Как это важно для антрополога! Не просто прочитав в книге, что бывает высокое лицо и низкое, широкое и узкое, плоское и «сплошной профиль»..., что комплексы этих морфологических особенностей приурочены (исторически!) к конкретным группам, обитающим на конкретных территориях, а увидеть это воочию. Если бы таким опытом могли обладать многие, тогда, по-моему, и «дурных мыслей» об отсутствии рас, не могло бы возникнуть...

Весь этот путь мы сумели преодолеть вместе со Славой и благодаря его знанию техники, доброжелательности, готовности всегда прийти на помощь в сложной ситуации, настоящей мужской ответственности. Да и водитель он классный. Помню, как ему удалось задним ходом (с прицепом!) завести машину во двор дачного дома О. Бабакова, где мы должны были переночевать в Ашхабаде (всегда в больших городах

выручают старые друзья!), ворота которого были едва ли на 5 см шире нашей машины. Также и я однажды по наивности (т.к. исходила весь старый центр Бухары пешком, а про машины как-то не думала) заставила его проехать по улице старого города, где даже ишак с арбой, наверное не протиснулся бы.

Другой пример. Саша – Александр Петрович - Кремнев, работавший в моих отрядах в течение почти 5 месяцев (с июня по октябрь) 1987 г. и большой, к сожалению, как и многие представители его профессии, любитель ловить «зеленого змия», ни одного раза не сорвал ни одного запланированного экспедиционного мероприятия, всегда в трезвом состоянии всех во время отвозил, привозил, встречал и провожал. Всегда его машина была в порядке и на ходу. Одним из его люби-

Мелкий ремонт на дорогах Ставрополя.
Слева направо: сзади стоит О. Бабаков, разбирается с двигателем – А. Кремнев, спиной стоят Е. Воронкова и Н.Дубова
Июль 1987 г. (фото С.В. Васильева)

мых выражений было: «Запас карман не трет». Как только кто-то выезжал из экспедиции в Москву, Саша обязательно снабжал этого человека списком необходимых деталей (на всякий случай!), и действительно

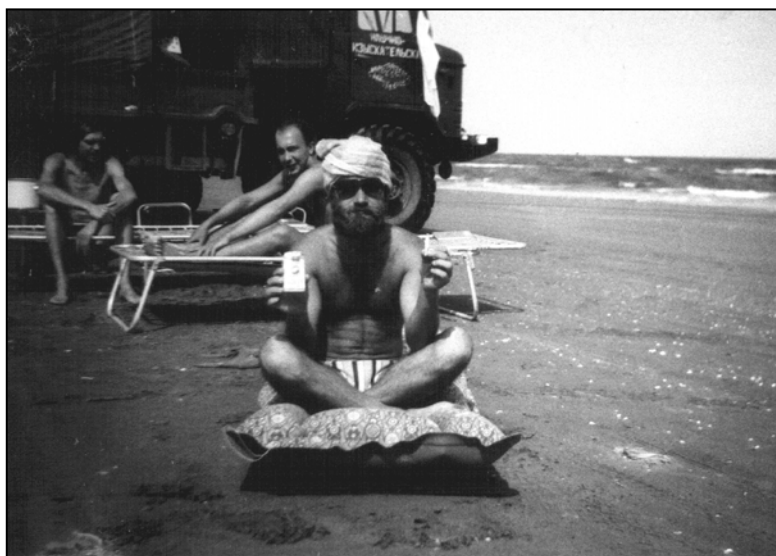
регулярно проводил осмотры и наладку всех систем автомашины.

С ним мы тоже попадали и в серьезные передраги. Например, в начале июля 1987 г., еще до начала этноэкологической экспедиции, мы возвращались после антропологических исследований среди туркмен Ставропольского края. В том же УАЗике, на котором потом мы работали почти целых четыре месяца в Азербайджане, на подъезде (слава Богу!) к колхозу «Победа» станицы Ладожской Краснодарского края у одного из четырех поршней двигателя (как потом это выяснилось) отломился «небольшой кусочек»! Наша машина с черным дымовым шлейфом еле смогла доехать до гаража этого колхоза. Огромное спасибо всем работникам предприятия, которые не просто разрешили поставить нашу машину на яму в гараж, дали возможность всем нам (нас было 5 человек) переночевать, принять душ, но и дали не новый, но исправный поршень. До отлета самолета, на который у меня и туркменского антрополога О. Бабакова были куплены билеты, оставалось пара дней, до аэропорта Сухуми было около дня пути... Саша с помощью Сергея Васильева, которому при оказании интернациональной помощи Афганистану пришлось изучить и внутреннее устройство движков БТРов, разобрали весь двигатель нашего УАЗа, затем собрали его и мы на последнем (почти) бензине все таки успели на самолет.

Не обошлось и без курьеза. Когда шофера, слесари и другие ремонтные рабочие гаража решили после трудового дня принять душ, каково же было их удивление, когда из душевой, куда они направлялись, вышли одна молодая (студентка каф. антропологии МГУ Лена Воронцова), а другая в возрасте (Н.А. Дубова) дамочки с мокрыми волосами! Добавлю, что нам с Леной повезло,

что мы встретились с мастерами уже после душа, т.к. учитывая исключительно мужской кадровый контингент, дверь в душевой не закрывалась. Но это – конец совсем другой истории - нашего антропологического изучения туркмен - путешествия по Ставропольскому краю через чеченские Итум-Калу и Ведено, вечер и ночь под сильнейшим ливнем, но под полиэтиленовым навесом у костра с В.П. Кобычевым, С.Н. Ивановым, песнями и стихами под Грозным, через пески западного побережья Каспия в Астраханскую область, а затем через Элисту – опять в Ставропольский край с его степями, необозримыми полями, зелеными рощами и спелыми вишнями, нависающими над шоссе... Приходится вспомнить и Козьму Прутков с его «Нельзя объять необъятное»!

Работавший в тот же 1987 г. в составе медико-биологического и генетико-демографического отрядов водитель ГАЗ-66 Сергей Федотов был большим любителем поэзии. Его кассеты с песнями Юрия Лозы (до сих пор почему-то чаще всего вспоминаю «Болят мои раны и тянет к дивану...») замечательно скрашивали вместе с рассказами и шуточками Бори Казаченко наши поздние вечера в «собственном» экспедиционном доме в Ивановке, когда мы или просто отдыхали (редко) или заполняли, переписывали, оформляли какие-нибудь необходимые статистические или экспедиционные бумажки, которым, как любому начальнику отряда известно, несть числа.

Пара дней на берегу Каспия. В ожидании приезда основного состава отряда. На первом плане – С. Федотов, далее – М. Козлов и А. Кремнев. Сентябрь 1987 г.

Сергей очень нежно и бережно относился к своему «младшему брату» - УАЗу. На обратном перегоне из Закавказья в Москву даже местами вез его на прицепе, чтобы тот сильно не отставал. Я старалась как можно меньше вмешиваться в почти незнакомую мне область – процесс управления машиной. Но были и возмутительные случаи. Так, при проезде г. Тбилиси, когда нам надо было уже по окончании работ в Ивановке доставить группу антропологов МГУ на вокзал, не «сориентировавшись в пространстве», я показала Саше Кремневу (машина Сергея ехала вслед за нами) дорогу, по которой, с моей точки зрения, надо было заезжать на мост.

Около экспедиционного «танка» в селе Пески Поворинского района Воронежской области: В. Большаков, Н. Дубова, Ю. Щитов (лето 1989 г. фото А.Н. Ямскова)

Это оказалась улица, по которой все нормальные водители съезжали с моста. Но обратного пути у нас уже не было – улица была очень короткой и дать задний ход было невозможно. Повезло также, что рядом не оказалось милиции, да и движение было еще не такое как в наши дни на улицах Москвы – иначе не миновать беды! Думаю, что немаловажную роль сыграли и наши московские номера – тогда к гостям в Тбилиси относились по-кавказски. Но выражение лица Сергея в те минуты, когда мы одолевали въезд на мост через Куру, я помню до сих пор. Могу только себе представить, что при этом проносилось в его голове... Но расставались мы после экспедиции друзьями.

Последним водителем, с которым мне довелось ездить в экспедиции был Юра Щитов. Он полностью оправдывал свою фамилию – был надежным щитом

всей нашей не всегда управляемой компании. Лучше всего было ездить еще и тогда – вспоминаю эту поездку как некий подарок судьбы и в какой-то степени заслуженный отдых, - когда начальником отряда был Володя Большаков и мы совершали маршрутный объезд бывших молоканских и духоборческих сел Центрального Черноземья. Затем Юра работал с отрядом, кажется, Толи Ямскова где-то в районе Шаумяновского района Азербайджана, а потом провез наш Медико - биологический, ленинградско - московский, отряд из Гянджи в с. Бююк-Сеютлы, оттуда – в Ивановку, оттуда – в с. Пески Воронежской области.

Из Песок мы возвращались с Юрой в Москву вдвоем. Очень хотелось побыстрее приехать домой, поэтому решили на ночевку не останавливаться. Но дорога оказалась все же достаточно длинной и я впервые на практике убедилась, как водители–«дальнобойщики» могут заснуть просто от общей усталости, утомительности и однообразности дороги. Я пыталась в меру своих сил развлекать Юру разговорами, но беспрерывно говорить, особенно ночью – очень трудно. И в какой-то момент я даже не поняла, а просто почувствовала, что машина едет уже не по прямой, а «по зигзуге», правда, медленно. До Москвы оставалось, наверное, километров 200, остановились около шоссе. Хорошо, что в ГАЗ-66 двигатель находится в кабине и от него веет теплом (правда, это «вееение», например, в среднеазиатских песках летом удовольствия не приносит). Но в тот день, именно благодаря этому, легкий 1-2 часовой «перекур с дремотой» в кабине, т.к. в кузове спать было практически невозможно (было уже достаточно холодно - поздняя осень), был вполне приемлемым, и ранним осенним (не хмурым, а солнечным и туманным, подернутым легким морозцем) утром мы уже были в городе. Днем –

разгружали оборудование и обменивались впечатлениями со столичными «аборигенами». Начиналась опять городская жизнь со своими прелестями и огорчениями, а впереди, как всегда, были надежды на новые выезды, новые впечатления...

Генетика и колдуны

Большинство генетической информации бывает получено, благодаря анализу взятых образцов крови. Поэтому при проведении комплексных антропологических исследований забор крови, как правило, производится. При большом размахе работ, таких, например, как были в Абхазии и в Азербайджане, с этой целью всегда приглашается фельдшер или медсестра, нередко из местной райбольницы или фельдшерского пункта. То, что медработника все в селе знают, повышает степень доверия населения приехавшим «врачам», даже если профессиональных врачей на самом деле в группе и нет.

Но взятие крови, также как и образцов волос, при всей кажущейся обыденности (кто из нас горожан не сдавал кровь из пальца на определение гемоглобина, лейкоцитов и пр.?!) - в любом далеком от индустриальных городов населенном пункте дело все равно не простое. Едва ли не самым распространенным объектом воздействия колдунов, знахарей, шаманов у всех народов являются именно отправления тела человека, его кусочки (в том числе волосы), капли крови. Придя с черной душой, темными замыслами, незнакомец может, по представлениям мнительного человека, принести много вреда не только конкретному человеку, но и всей общине. А что говорят радио- и телепередачи? Посредством укола нестерилизованной иглы может распро-

страняться спид, желтуха, другие инфекционные заболевания. А если человек - незнакомый, которого в селе видят впервые и, скорее всего, не увидят больше никогда? Где вера его заверениям, что все приборы для взятия крови – одноразовые? Поэтому важнейшую роль при организации любого антропологического обследования, тем более крупного, играют предэкспедиционные беседы с администрацией области, района, медицинскими службами всех уровней, в случае включения в программу сбора дерматоглифики (отпечатков пальцев и ладоней рук) – и служб милиции, МВД. Конечно же, в любом селе любого региона находится 1-2, изредка больше людей, кто не верит никаким словам и ни при каких условиях не соглашается на обследование, даже без взятия крови. Но самое приятное – это то, что подавляющее большинство людей с пониманием относились к проводимым антропологическим исследованиям, некоторые соглашались пройти обследование, даже пересиливая себя. Хочется от всего сердца и здесь сказать им всем большое спасибо за это, хоть мы и старались говорить об этом каждому пришедшему, а нередко и пишем эти благодарности в своих публикациях.

Праздник урожая

Интересно, все-таки устроена жизнь! Время стремительно мчится вперед, работают радиоприемники, телевизоры, теперь уже и компьютеры, люди летают на самолетах, даже исследуют Космос, мы живем не просто в скученных поселениях, а в городах, некоторые - в небоскребах, сменяются правительства, президенты,

режимы, журналисты и популисты волнуются о необходимости возродить бѳлгар, ингерманланцев, юкагиров... А в паре десятков километров от курортного города Гудаута в 1980-х гг. живет древнейший языческий обряд, приобретший совершенно другое название, но не потерявший своей сути. Не хочу сказать, что это – единственный, уникальный случай, наверняка любой знающий этнограф приведет еще не один. И наше крашение яиц на пасху, выпечка блинов на масленицу, «хождение посолонь» вокруг аналая в современном мегаполисе – элементы того же. Но именно элементы, чаще сохраняется название, а суть-то, смысл обряда изменяется. Здесь же, в Дурипше (а может быть, и в других абхазских селах) мне думается, мы столкнулись с сохранением самой сути обряда, хотя название его стало и новым. Может быть, правильнее было бы говорить в этом случае о начале его трансформации... Но, честно говоря, в трансформирующемся, измененном или каком либо другом языческом обряде, учитывая специфику антропологической специальности, которая не позволяет «вживаться» в группу, требует частых перемещений, т.к. необходимо исследовать значительные по численности выборки, мне ранее не удавалось.

Абхазы до сих пор живут родственными общинами, зная всю свою родню. Как правило, в одном селе один такой клан и живет в одной части села, а другой – в другом. Как мы знаем, в советское время население одного крупного или нескольких мелких сел объединялись в колхоз или совхоз. Дурипш – крупное село, там был колхоз. Вся территория села (наверное, в других селах также) была поделена на бригады. Эти (первая, вторая, третья, четвертая и др.) бригады удивительным образом совпадали с территориями расселения тех самых родственных общин. Ежегодно, как нам рассказали,

перед началом сбора урожая все члены бригады и их семьи собирались вместе. У каждой бригады был свой день сбора, он назывался «праздник урожая». Как уже отмечалось выше, для получения достоверной антропологической картины населения села было необходимо обследование значительного числа его жителей. Тот же Костя Габния, о котором уже я писала, посоветовал нам пойти на такой праздник, т.к. там должно было собратся много жителей. Будучи озабоченными в первую очередь именно численностью выборки, мы как-то даже и не обратили сначала внимания на то, что вообще-то праздник урожая празднуется, как правило, уже после его сбора, т.е. осенью. Единственно, что нас смущало – удобно ли отрывать людей от праздника и просить разрешения их обследовать. Нас заверили в допустимости таких действий, и мы, ничего особенного не подозревая, двинулись в путь. И не зря! Конечно измерить мы смогли мало кого, но это упущение компенсировалось незабываемыми впечатлениями.

Когда мы пришли в назначенное место – не чей-то жилой дом, а определенная территория около села (как мы потом уточнили, у каждой бригады своя), где можно было поставить столы, где имелись необходимые предметы обихода (котлы, посуда и пр.) – нас не удивило, что все пришедшие были заняты приготовлением застолья: одни разжигали костры, ставили на них большие котлы, другие накрывали столы, третьи варили в котлах мамалыгу, четвертые резали овощи, разливали в небольшие кувшины вино. Оказалось также, что несколько мужчин не遠деке резали несколько бычков. Много гостей – много еды, много забот. Осознание того, что мы присутствуем не на ординарном застолье семейной общины, а на чем-то большем, пришло только тогда, когда нас позвали в общий круг (не за стол, как обычно,

а именно в круг). Всем присутствующим, в том числе и антропологам, стоявшим полукругом в небольшой рощице, выдали по стакану домашнего виноградного вина и по куску вареной печени только что зарезанных бычков. Затем старейшины данной бригады (общины?), стоявшие полукругом, величественно нараспев произнося слова, произнесли по-абхазски не тост, хотя все после этих слов и выпили вино, закусив его печенью, а, судя по общему смыслу текста, который мы смогли понять, благодаря переводу для нас на русский язык, древнюю молитву о мире и общем благоденствии. Не исключено, правда, судя по некоторым словам, что, учитывая наше «московское происхождение» и господство в то время официального атеизма в стране, переводящий нам слова старейшин сознательно допустил определенную нечеткость перевода. По всей видимости, эта молитва, как и две последующие были обращены к богам, у которых и просился мир и благоденствие. Второй и третий тексты, произнесенные в той же манере, были посвящены ниспосланию дождя и богатого урожая. После чего все участники молений были приглашены за столы, где состоялось обычное застолье, только вместо телячьей печени там присутствовало вареное же мясо. Отмечу интересную деталь: абхазы, приготавливая вареное мясо, бульон в пищу не употребляют, выливая его весь на землю!

Если оценить все этапы этого «праздника урожая», можно, наверное, в нем увидеть древний ритуал молений о дожде, свойственный абхазам. Это прежде всего проведение его в специально отведенном месте за пределами жилой части села, в рощице, это и, фактически, жертвоприношение телят и ритуальное поедание их печени всеми членами родовой общины, и произнесение молитв, и организация этого праздника до начала сбора

урожая. Нельзя исключить и проведение каких-либо особых «закрытых» ритуалов, о которых нам и сказано-то не было, ввиду указанных уже причин специфики работы. Среди нас, как уже отмечалось, в том сезоне не было этнографов-специалистов по этнографии народов Кавказа, поэтому что-либо профессионально уточнить или даже просто специально спросить было некому. Может быть эти мои воспоминания «неофита» покажутся специалистам в чем-то ошибочными, даже забавными, но думаю, что тем, кто сам не сталкивался с подобными обрядами они могут быть интересны.

Русские села Азербайджана

В 1986 г. сектор этнической экологии начинал разработку новой темы, которая уже упоминалась - «Адаптация русских старожилов Закавказья». Цель работ – выяснить механизм адаптации системы жизнеобеспечения русских переселенцев середины XIX в. к новой для них природной и социальной среде. Моя задача - разработать общую схему антропологического, точнее медико-биологического обследования различных сельских групп русских, т.е. выбрать те реперные точки для обследования, которые могли бы дать достаточно полное представление о вариации характеристик внутри данной общности с тем, чтобы затем ее можно было бы соотнести с таковой в контрольной группе, которую также предстояло выбрать. Первым регионом выбран Азербайджан, т.к. он позволит увязать эту тему с предыдущей, по долгожителям, ибо по имеющимся данным в этой Республике также есть районы, где процент населения старше 90 лет повышен.

Кроме абхазского, не имея другого опыта работы на Кавказе и в Закавказье, я направилась в рекогносци-

ровочную поездку по всем регионам Азербайджана, где переписью 1979 г. зафиксированы русские села: Кедабекский, Шемахинский, Исмаиллинский, Джалилабадский, Кубинский, Хачмасский, - т.е. посетила многие районы республики как на севере и юге, так на западе и востоке. Благодаря этой поездке были получены последние сведения о численности (весьма сильно отличавшиеся от данных переписи) сельского населения практически во всех русских (в большинстве своем оставшихся таковыми только по названиям) селах. Кроме того этот выезд значительно расширил и мои антропологические горизонты. Азербайджанцы на побережье Каспийского моря (на юг и несколько на север от Баку) имеют определенные черты сходства с некоторыми туркменскими группами (например, нохурцы), в лучшей степени сохранившие особенности внешнего облика древнейшего населения Туркменистана, знакомого мне по многолетним работам в том регионе: такие же высокие и узкие с тонкими чертами лица, с резкой профилировкой в горизонтальной плоскости (т.е. не уплощенной, как, например, у бурятов или якутов), высокорослость и общая долихоморфность (удлиненность пропорций тела) и грацильность (т.е. тонкокость) сложения. В селах, расположенных ближе к Дагестану чаще появляются азербайджанцы, имеющие меньшую длину тела, более мезоморфные пропорции, более круглые лица, несколько более, чем у первых массивную костную основу. Эти люди по внешним характеристикам напоминают уже народы Дагестана.

Схема расположения обследованных русских групп Азербайджана

В северо-западных районах Азербайджана, в Закавказской долине и на границе с Грузией длина тела азербайджанцев также ниже, чем в Прикаспии, но не столь заметно как в Хачмасском и Кубинском районах. Лицо, оставаясь, в отличие от азербайджанцев двух указанных районов, довольно долихоморфным, все же несколько более массивно. Нос – с горбинкой, высокий, тонкий в отличие от прикаспийского населения, сильнее, резче выступает над поверхностью лица. Уплощенность лица в горизонтальной плоскости заметно менее резкая, чем в первой из описанных групп, но, конечно, остается в границах не уплощенных, а профилированных лиц. И, наконец, Кедабекский район. Здесь, на востоке Азербайджана, среди азербайджанцев нередко встречаются арменоидные лица – относительно низкие

и широкие, с широким характерной формы носом. Все население имеет темные волосы и темные оттенки цвета глаз. Некоторый процент более светлых глаз можно отметить лишь в северо-восточных районах республики.

Было бы неверно понять данное описание как «некую географическую непрерывность» единого антропологического массива. С моей точки зрения, правильное было бы оценить это следующим образом. Один антропологический пласт представлен, прежде всего, в Прикаспии, в равнинных, земледельческих районах. Второй – в большей степени в горных, предгорных местностях у населения, занимающегося, в первую очередь, скотоводством. Кроме того, в районах, где расселены другие этносы, в первую очередь, в пограничных с другими республиками, наблюдается и изменение этих двух вариантов. В Баку представлены все описанные вариации, «разбавленные», как и в любом современном индустриальном центре, представителями всех народов тогда еще СССР. В других, значительно более мелких городах, эта закономерность и менее резко выражена: там представлено в значительной степени такое же население, как и в окружающих сельских населенных пунктах.

Каких-либо различий в облике русских, проживающих в разных районах Азербайджана не было отмечено. Не исключено, что глаз в первую очередь фиксировал общие черты малой по численности группы на фоне разнообразия многочисленной.

Конечно, то что написано выше – не вывод по результатам научного исследования. Это лишь достаточно яркие визуальные впечатления, отметившие самые бросающиеся в глаза особенности. Для подтверждения или опровержения их необходим сбор объективного, численно значимого материала. Именно поэтому здесь сознательно опущены таксономические «диагнозы» всех

Главная улица с. Ивановка.
Все жилые дома скрываются
за деревьями. 1987 г.

описанных типов, которые, конечно же, можно сделать. Но надо сказать, что, по-видимому, такие поездки, когда за короткий промежуток времени исследователь имеет возможность увидеть разнообразие физических особенностей того или иного населения, какого-либо этноса, в частности, помогает формированию масштаба изменчивости, близкого к реальности. Это особенно ценно при определении так называемых описательных признаков (например, цвета глаз, формы носа, степени уплощенности лица в горизонтальной плоскости,

роста бороды и пр.). Эти признаки играют более важную, по сравнению с размерными характеристиками головы и лица, роль при изучении антропологического облика современного человечества. Напомню, что даже выделение наиболее крупных географических группировок – человеческих рас – проводится, в первую очередь, не по длине тела, конституциональным характеристикам, размерам головы или лица, а по цвету кожи, цвету и форме волос и прочим, также описательным, признакам.

Как были основаны сельские русские поселения в Азербайджане, когда и как это происходило описано

достаточно подробно в публикациях нашего сектора по данной теме⁶. Из всех более, чем 15 сел, о которых удалось получить сведения в ту поездку, русское население составляло большинство лишь в трех. В значительной части их, где еще переписью 1979 г. было зафиксировано русское население, в 1986 году остались единицы. Особенно это коснулось Хачмасского и Кубинского районов, где из сел Владимировка, Алексеевка, Петропавловка, Еленовка и др. русские выехали практически полностью.

Особенностью именно этих населенных пунктов, также как и части сел в Джалилабадском районе, было основание их в более позднее время – в начале XX в. - и не молоканами или духоборцами, а крестьянами, исповедовавшими ортодоксальное православие. Процесс усиленной эмиграции именно православного, а не молочно-кавказского и духоборческого населения, бросился в глаза явно, ошибиться здесь было невозможно⁷. Судя по небольшому числу записей, оставшихся в похозяйственных книгах⁸, какая-то часть жителей выселилась из

⁶ Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблема адаптации русских старожилов в Азербайджане // Советская этнография. 1988, № 6; Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. Адаптация русских старожилов в Азербайджане // Советская этнография. 1989. № 5; Русские старожилы Азербайджана. Ч.1,2. М., 1990; Духоборцы и молokane. М., 1992; Русские старожилы Закавказья: молokane и духоборцы. М., 1995

⁷ Характерно, что людность православных селений Азербайджана уже в 1921 г. едва превышала 300 человек, тогда как в молочно-кавказских и духоборческих она составляла в среднем 1000 чел. См.: Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990. Ч. 1. С. 11.

⁸ Такие книги в сельских советах обновляются один раз в 5, а то и в 3 года. Учитывая, что поездка, о которой идет речь, была рекогносцировочной, возможности собрать представительный матери-

Хачмасского, Кубинского и Джалилабадского районов в Баку, какая-то - в другие города Закавказья, многие – в южные регионы России (Ставропольский и Краснодарский край).

Из всего массива сельских населенных пунктов, где проживали русские, выделялось с. Ивановка Исмаиллинского района. Численность населения в нем – более 3000 человек; все дома каменные, добротные, с большими приусадебными участками; обширные ухоженные виноградные, хлебные, луковые, чесночные и другие поля; асфальтированные улицы в каждом уголке села, огромный, облицованный почти мрамором Дворец культуры с колоннами; в коровниках, телятниках, на конюшне – все чисто, побелено, везде автоматизирована подача воды и корма. Прямо маленькая русско - молочно-голландская Голландия в центре Азербайджана. Конечно же не все было так радужно и безоблачно, как потом становилось все яснее в процессе наших работ, но первое впечатление было почти ошеломляющим. Именно это село и было выбрано в качестве основного опорного пункта, где планировалось проведение всего комплекса исследований. По разным обстоятельствам о повторении всего того объема работ, который был достигнут при изучении долгожительства, речи, к сожалению, идти не могло.

Какие впечатления оказались самыми яркими в других селах? Трудно все перечислить, для этого понадобилось бы написать целую книгу. Самое главное, как и в Абхазии, это душевность, гостеприимство во всех без исключения поселках. Совершая свое путешествие в

ал по всем селам, конечно же не было. При проведении стационарного экспедиционного обследования разных сел (см. список публикаций выше), предварительные выводы были подтверждены документально.

одиночестве, я ни разу, ни в этот, ни в последующие годы, не сталкивалась с тем, что негде было переночевать или нечем перекусить. Милые, добрые женщины всегда приходили на помощь, не давая мне даже задать вопрос о гостинице. В Новоивановке Кедабекского района одна из таких сельских тружениц – Екатерина Ивановна Иванова, накормив меня за квадратным, на большую семью, «основательным» деревянным столом, сделанным около 60 лет назад ее отцом, и рассказав множество интересного о сложных путях жителей этого села, уложила спать на высоченную, но воздушную перину, каких я раньше никогда и не видела, в такую же добротную широченную деревянную кровать, сделанную тогда же.

В с. Славянка того же района меня приютила на ночь семья Атамановых. Они свозили меня на своей машине до священной рощи духоборцев, показали ключи нарзана... Боюсь, что от этих сел после событий, связанных с борьбой за Нагорный Карабах, мало, что осталось: они располагались на самой границе Армении и Азербайджана и даже по телевидению показывали как рвутся снаряды на их улицах. Хочется верить, что жители успели вовремя уйти, но, что их мирная жизнь продолжилась на старом месте, верится с трудом.

Позже, уже в 1989 г., в с. Ульяновка Сагареджойского района Грузии семья Надежды Григорьевны и Василия Васильевича Малолеткиных не раз принимали всю нашу экспедиции, топили для нас баню, кормили, рассказывали много интересного. В с. Красногорка Сигнахского района Грузии много доброго сделала для нас и очень помогла в организации работы секретарь сельского совета Мария Николаевна Малова, ее мать Агафья Васильевна и сестра Ольга Николаевна Сосина. Да разве можно перечислить всех!... Огромная им всем благодарность.

В Джаблибаде, судя по карте – обычном районном центре, правда в благодатном месте – во влажных субтропиках, на равнине, в давних земледельческих районах, – стараниями первого секретаря районного комитета компартии Азербайджана Ибрагима Мусаевича Курбанова часть поселка, окружающая здание райкома, была превращена в некоторое подобие восточного

Кладбище с. Хильмилли Шемахинского района, 1987 г.

дворца: беседки, живописно посаженные растения, водоемы, золотые рыбки, лебеди, фазаны, маленький зоопарк... Надо ли говорить, что гулять в этом парке и наслаждаться его уютом, могла только небольшая часть работников райкома. Московских гостей принимали на высоком уровне, обманывать не буду.

В селе Новоголовка того же района, которое было основано также русскими-молоканами удалось побы-

вать в 1987 г. Основное занятие населения – виноградарство. Но в отличие от Ивановки, где личных виноградников не держат и вино мало кто делает, здесь в каждом доме была небольшая винодельня, заготавливалось значительное количество домашнего вина. Мы смогли даже принять посильное участие в первой стадии этого процесса, когда спелые гроздья загружались в матерчатый мешок, который находился в специальной каменной емкости, имеющей слив, а затем мужчина топтался на этом мешке до тех пор, пока у него были силы, а в ягодах сок.

С. Новоголовка Джалилабадского района.
Шофер отряда А. Кремнев готовится к началу винодельческого процесса, а С. Васильев ему в этом помогает (сентябрь 1987 г.)

В селах Хильмилли и Чухурюрд Шемахинского района произвели впечатление широкие каменные ванны более 2 м длиной, вырубленные из целого камня, для хранения воды, уцелевшие с того времени, когда здесь

не было еще водопровода и вода могла быть сохранена только в них. Эти каменные ванны изготавливались достаточно далеко от села и привозились сюда по специальным заказам.

С. Хильмилли Шемахинского района.
Каменная ванна для хранения воды (август 1987 г.)

Преодоление

В организации любых антропологических исследований, а особенно стационарных, есть много проблем. Хочу вспомнить, как не просто, при в целом большой доброжелательности, строились отношения между экспедицией и председателем уже упоминавшегося колхоза им. М.И. Калинина. Первый мой рекогносцировочный приезд 1986 г. имел своим результатом общее знакомство с селом, его демографией, географией и краткой историей, а также предварительную договоренность о

возможности проведения здесь комплексного медико-биологического исследования в следующем году. После обсуждения результатов рекогносцировки в регионах Азербайджана на заседании сектора этнической экологии опорным пунктом для стационарных исследований механизмов адаптации русских переселенцев в Закавказье была выбрана именно Ивановка и на следующий, 1987 г. запланирована работа там сразу нескольких отрядов – этнодемографических, этнографических и медико-биологического. Было решено, что первые отряды должны провести свои исследования в июле-августе, а последний – в сентябре-октябре.

Центральная площадь с. Хильмилли. 1987 г.

Как обычно, поздняя осень, зима и весна ушли на составление программ исследования, подбор членов отряда и согласование различных сроков.

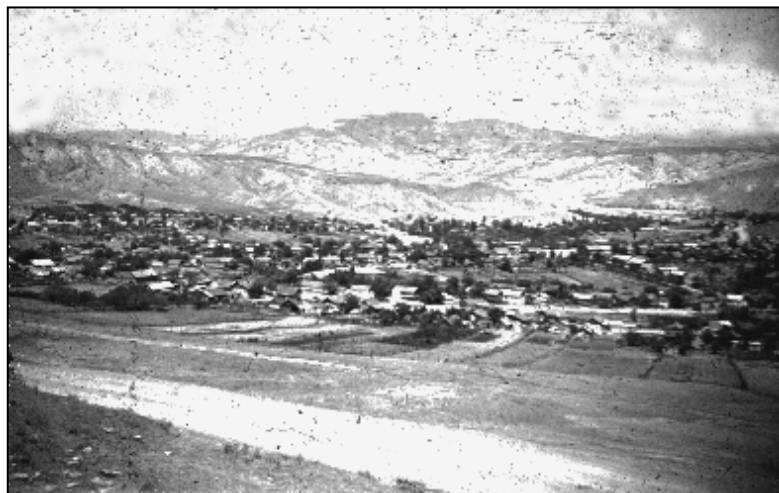
Приехали мы с первым отрядом на ГАЗ-66 с шофером Сергеем Федотовым в Ивановку во второй поло-

вине июля. Приняли нас в колхозе радушно, разместили в собственной гостинице с душем, кормили в столовой (все, конечно, за счет наших полевых – Н.В. Никитин был практичный хозяин. Как я и другие начальники отрядов умудрялись оплатить все расходы из расчета 1 руб. 75 коп. на человека в день и строгой ограниченности других статей расхода экспедиционных денег – особый разговор). Николай Васильевич пообещал, когда приедут медики и основной состав антропологов, выделить под стационар помещение, помочь с вызовом людей на обследование.

Этнографическая группа, которой руководила Н.И. Григулевич, подъехала чуть позже на УАЗ-469 с шофером Сашей Кремневым. Вообще в течение всего полевого сезона 1987 г. (он закончился в Ивановке в середине октября) этот процесс встреч и расставания в отряде был бесконечен: приехала и уехала Н.М. Лебедева, приехали и уехали О.Р. Будина, С.А. Иникова, А.Н. Ямсков, затем - В.И. Козлов, В.А. Большаков, уже в сентябре прилетела большая группа киевских геронтологов под руководством С.М. Кузнецовой, потом еще несколько киевлян, на несколько дней позже – московские антропологи из МГУ под руководством О.М. Павловского...

А в июле работа шла своим чередом. Начали собирать данные по похозяйственным книгам, в районном архиве ЗАГСа за прежние годы, этнографы под руководством Н.И. Григулевич и составители генетико-демографических анкет под неусыпным взором Б.Н. Казаченко ходили по домам. Когда работа была налажена, я с Сергеем Васильевым (тогда – студентом каф. антропологии МГУ) и со своими детьми – Володей (ему было почти 14 лет) и Олей (ей исполнилось 11) на УАЗике, которым управлял Саша Кремнев, позволила себе объе-

хоть русские села Чухурюрд, Хильмилли в Шемахинском, а Привольное и Новоголовка в Джалилабадском районах и обследовать там довольно представительные группы.

Общий вид с. Хильмилли. 1987 г.

Мы с Сергеем измеряли голову и лицо, получали восковые отпечатки зубов. Когда Сергей приболел и вынужден был остаться на пару дней в Шемахе, записи за мной в бланках делали мои дети, тем более, что у них уже был небольшой «полевой опыт» в Туркменистане, а у сына еще и в Пермской области.

Нагруженный ящиками с виноградом, подаренным нам в Новоголовке Джалилабадского района, Сергей улетел к началу занятий из Баку в Москву, а я вернулась в Ивановку, где с новыми силами стала пытаться добиться ясности по поводу помещения для стационара.

Кроме повторных заверений в выполнении прежних обещаний я практически ничего не добилась. У Н.В. Никитина проскользнула даже фраза, подвергающая

сомнению целесообразность проведения такого медико-биологического обследования ивановцев при наличии собственной достаточно хорошо обустроенной клиники.

с. Ивановка Исмаиллинского района.
Рядом с «домом на колесах» (слева направо) А.П. Кремнев, О.Р.
Будина, С.А. Иникова, Е.А. Оборотова, А.Н. Ямсков
(август 1987 г.)

Значительно сдвинул в положительную сторону вопрос о стационаре приезд Володи Большакова и Виктора Ивановича Козлова. Общий солидный вид московских ученых мужей, близкая возрастная когорта (Николай Васильевич как и Виктор Иванович был участником Великой Отечественной войны), выступление профессора Козлова перед учащимися школы, высокая оценка, данная начальником и зам. начальника экспедиции как антропологам, так и, особенно, медикам, которые должны были приехать в село, видимо сделали свое дело.

При следующей моей встрече с Никитиным он стал уже называть конкретные адреса (например, почти законченное здание почтового отделения), где можно было бы развернуть медицинские и антропологический кабинеты. Но время приезда специалистов приближалось, оставалось всего 10-12 дней, а решился только вопрос о размещении более чем 25 человек: председатель колхоза разрешил (против его воли ни один житель Ивановки не мог принять такого решения самостоятельно) сдать нашему отряду жилой дом невдалеке от здания Правления колхоза с двумя строениями, садом и огородом, куда мы и переехали из гостиницы. В чем-то здесь, в отдельной усадьбе было даже удобнее: можно было, имея газовую плиту, устроить вечерний чай или даже целый ужин, не ходя в столовую и не будучи на виду у всего правления; было место за воротами, куда поставить автомашины; на столе, поставленном в огороде, где к тому времени уже ничего не росло, можно было и печатать на машинке и составлять любые списки и т.д.

Что явилось тем толчком, который заставил Н.В. Никитина не просто принять решение о выделении под стационар нескольких комнат на первом этаже здания правления, но даже в течение двух дней аврально провести там косметический ремонт с побелкой стен и потолков — для меня не ясно до сих пор. Может быть наша настойчивость, трудолюбие участников экспедиции (никто из членов отряда никогда не слонялся без дела, в никаких недозволенных «властями» деяниях замечен не был), может быть просто любовь председателя принимать решения, как ныне мы можем видеть в американских боевиках, в самые последние секунду, мгновение до того как рухнет стена, затонет корабль, перевернется автомобиль... А может сыграл роль и мой «разнесчастный» вид, когда очередной раз, уже потеряв надежду на

то или иное решение, я шла на прием в кабинет председателя на втором этаже здания Правления колхоза... Так или иначе, но буквально за 1-2 дня до приезда геронтологов, помещения, предназначенные для врачебных кабинетов, были отремонтированы и мы определились, какие специалисты где будут работать.

«Закрепил успех» приезд Светланы Михайловны с киевскими коллегами. Воздействуя на Никитина, и своим женским обаянием, и незаурядными способностями невропатолога, и предоставленными высококвалифицированными консультациями не только самому председателю, но и значительному числу жителей села (надо сказать, что как С.М. Кузнецова, так и другие специалисты, входившие в состав ее группы, не отказали ни в одном вызове к больным на дом, несмотря на большую загруженность на плановом приеме в здании правления), она сумела убедить его разместить большую часть врачей в лучших номерах гостиницы, поддержала наш общий план приглашения на обследования членов разных бригад, который в целом и соблюдался в течение всего времени работы стационара.

Первое недоверие к нашим работам и некоторая недооценка их значимости сменились большим уважением к членам экспедиции. Даже в последующем, в 1989 г., когда уже в значительно меньшем составе наш отряд, включивший тогда еще ленинградских специалистов-пульмонологов, около 10 дней там работал, люди шли на обследование, как к давно знакомым врачам...

Так или почти всегда так, разъясняя свои цели, преодолевая непонимание, иногда нежелание понять, антропологи и медики строят обычно свою работу в поле.

Антрополого-медицинский отряд перед отъездом из с. Беюк-Сеютлы Варташенского района, 1989 г.

Кто же и где болеет меньше?

Болезнь, как всем хорошо известно, надо меньше. Но мы все равно, к сожалению, болеем, причем не редко. Русские переселились в Закавказье, как уже отмечалось в середине XIX в. Датой основания с. Ивановка, например, считается 24 мая 1847 г. Первое, что они, как, наверное, и все переселенцы на свете, пытались сделать – это подобрать наиболее близкие (в сравнении с предыдущим местом жительства) им условия жизни. Не малую роль в этих сменах, как отмечают документальные сведения, играли болезни. Так, например, та же Ивановка меняла свое место расположения несколько раз именно потому, что в более низких местах (сейчас

она расположена на небольшом холме, хорошо со всех сторон овеваемом ветрами) было много малярийных комаров и многих поражала малярия, что вело и к повышенной смертности.

Как можно оценить физическое здоровье популяции? Наверное, легче всего, просто проанализировать картину распространения различных болезней в данной группе в данный момент и сравнить ее с предыдущим периодом. Кроме того, этот анализ даст и определенную информацию о степени приспособленности группы к данным условиям существования.⁹ Но такой анализ и сравнение оказываются простыми только на первый взгляд. Прежде всего, сведения о «предыдущем периоде» или вообще отсутствуют или не полностью сравнимы с теми, которые собираются сейчас. Кроме того, те данные, которые имеет и собирает медицинская статистика, даже относящиеся в одному периоду времени, не в полной мере являются отражением реального состояния здоровья населения. Казалось бы, существует несколько объективных показателей, характеризующих состояние здоровья, как например, число больных хроническими заболеваниями, состоящими на учете в том или ином населенном пункте; структура заболеваемости (т.е. частота встречаемости заболеваний различной этиологии) по выявленным диагнозам за определенный промежуток времени и другие. Но все эти показатели оказываются зависимыми от многих, в том числе и не имеющих прямого отношения к состоянию здоровья

⁹ Подробно эти вопросы рассмотрены в наших публикациях. См., например, Дубова Н.А. Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология. Теория и практика. М., 1994; Она же. Стресс-адаптация-заболеваемость // Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М., 1995. С. 271-295; Она же. О биологическом аспекте групповой адаптации // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С.30-40.

группы, обстоятельствами, среди которых прежде всего следует назвать степень обеспеченности местности медицинскими работниками, их квалификация; степень удаленности районной больницы от населенных мест, где имеются лишь фельдшерские пункты; степень объективности самооценки состояния здоровья населением и степень доверия с его стороны медикам и, связанная с последними причинами, посещаемость лечебных учреждений и т.д. Не требует дополнительно доказывать, что только указанные обстоятельства в разных регионах будут различаться. По-видимому, отличными будут показатели в моно- и многонациональных регионах, в районах, различающихся по соотношению местного населения и мигрантов разного времени и пр. Выяснить же в какой степени данные официальной статистики отражают реальное состояние здоровья населения возможно лишь экспериментальным путем, т.е. сопоставлением официальных данных с результатами эпидемиологического обследования в том же регионе, усилив последнее опросом самооценки состояния здоровья жителями.

Наши исследования в Азербайджане мы и пытались строить по этой схеме. Самым слабым звеном оказалось последнее – самооценка сельчанами своего здоровья. Даже разработав специальные опросники,¹⁰ мы не получили конкретных данных. Но популяционный подход к оценке состояния здоровья дал свои результаты¹¹. Сравнивая частоту встречаемости разных этиологических форм заболеваний (структуру заболеваемости) сельских русских Азербайджана и населения с. Пески

¹⁰ Дубова Н.А. Этномедицинское обследование населения // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С.292-294.

¹¹ Воронов А.А., Кузнецова С.М. Состояние здоровья // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990. С. 138-151; Дубова Н.А. Стресс-адаптация-заболеваемость // Русские старожилы Закавказья: молукане и духоборцы. М., 1995. С.271-295

Поворинского района Воронежской области¹², можно отметить, что распространенность сердечно-сосудистых заболеваний и патологий органов дыхания, также как инфекционных заболеваний и болезней пищеварительной системы, обнаруживает сходство между всеми русскими группами, с одной стороны, и их отличие от азербайджанцев и лезгин, с другой. По всей видимости, этот факт может свидетельствовать о том, что процесс «экстренной биологической адаптации» у сельских русских Закавказья уже давно прошел, а специфические генетические изменения у этой группы не имели места и «новый экологический (адаптивный) тип» не образовался. Скорее всего, имевшейся у группы русских переселенцев нормы реакции биологических систем организма хватило на приспособление к новой природной и социальной среде.

Виноград и крокусы

1987 г., октябрь. Работаем в с. Ивановка уже третий месяц. Обследование близится к завершению: киевские геронтологи работу практически закончили, заканчиваются измерения детишек в школе... Виноград колхозниками, благодаря успешно проведенной, как они говорили, «мобилизации» всего населения, уже собран.

Небольшое отступление. «Мобилизация» - очень своеобразное мероприятие, если не сказать явление, которое имело место, насколько мне известно, на территории Азербайджана только в колхозе им. Калинина (с. Ивановка). Оно проводилось как только виноград подходил в процессе своего созревания к оптимальной са-

¹² Данное село было выбрано в качестве контроля как представляющее население районов, откуда происходило выселение предков современных молокан и духоборцев в XVIII в.

харистости, которую определяют агрономы, и его, собрав за минимальный срок (не более 1 - 2 недель) можно было сдать по наивысшей цене на заводы для переработки. В воскресенье собирается общее собрание колхоза, на котором председатель – Н.В. Никитин – объясняет ситуацию, говорит о том, как много уже сделано всеми членами колхоза для того, чтобы урожай был высокий и качественный, как важно его своевременно и быстро собрать и призывает всех принять участие в сборе винограда.

Участники экспедиции на сборе винограда. Октябрь 1987 г.

Затем выступают руководители бригад колхоза, берут на себя различные обязательства по сбору «солнечных ягод», вызывая других бригадиров на соревнование. Все выступления на собрании транслируется по колхозному радио в каждый дом и по громкоговорителям на улицах села. Во всех семьях говорят в эти дни только о винограде, понимая, как много в жизни каждого зависит от успешности его продажи. Следующая не-

деля после собрания начинается с первыми лучами солнца. Численный состав бригад значительно увеличивается, т.к. кроме штатных членов, в них добровольно включаются члены семей всех возрастов. Ведутся дневники сбора винограда, каждодневно учитывается сколько собрал каждый колхозник, каждая бригада, каждый участок колхоза. Передовиков всенародно хвалят, нерадивых сборщиков – также всенародно - корят. Каждый житель села, если только он может двигаться, считает своим долгом принять участие в работе: и совсем немощные старики и малые дети хотя бы на один день стремятся выйти на виноградники. Тех, которые уклоняются от общей заботы (их единицы), все осуждают и стараются с ними не общаться. Пик «мобилизации» наступает в следующее воскресенье, когда «явка» на сбор бывает максимальной.

Что и говорить о том, что установившийся ритм приглашения на наши обследования в эту неделю нарушен даже в школе. Обычная же жизнь колхоза нарушается не коренным образом, продолжаем работать и мы... Но в последнее воскресенье общий азарт охватывает и большинство участников экспедиции. Мы просим разрешения у Н.В. Никитина на участие в сборе винограда. Он долго не хочет нам разрешить этого, т.к. мы не члены колхоза, а урожай должен быть собран руками только колхозников. Но все же уступает, и человек 10 желающих «экспедиционеров», среди которых Е.З. Година, М.В. Козлов, И.А. Хомякова, Л.В. Задорожная, Ш.А. Асадов и др., вливаются в вихрь мелькающих рук, острыми ножами, срезающих спелые грозди и бросающих их в ведра, несущихся между рядами виноградных лоз ног, посредством которых полные ведра доставляются до кузова самосвала, сияющих от радости глаз и улыбающихся лиц, принадлежащих людям, делающим

тяжелую, но необходимую работу все миром. Мне, как начальнику экспедиции, участвовать в этой работе не разрешено: Н.В. Никитин берет меня в свою «Ниву», и мы вместе объезжаем все поля, чтобы видеть весь «фронт работ». К вечеру становится ясно, что перекрыт рекорд прошлого года не только по суммарному количеству собранного винограда, но особенно по тоннажу зеленых и черных сладких ягод, отгруженных за это последнее воскресенье. Главная проблема дня, которую нелегко было преодолеть, - все окружающие заводы, в недавнее время переведенные с производства вина на производство сока, с огромным трудом справляются с приемом

Крошечная часть ковра из крокусов.
Ивановка, 1987 г., октябрь

ивановского винограда: не хватает мощностей. Но главный итог – урожай собран максимально быстро, виноград высшего качества, сдан государству по максимальной цене - несмотря на большую усталость, удовлетворил всех – колхоз обеспечил себе достаток, необходимый на ближайшее будущее. С понедельника жизнь входит в нормальное русло.

Итак, «мобилизация» позади. Холодает. Не только под утро, но и днем на лужицах не тает лед. Живя в гостинице, приходится включать даже отопительные приборы. Там где есть, топят печи. Листья пожелтели, падают. Мы в полной уверенности, что вот-вот выпадет снег. И вдруг – оттепель, да какая: набухают почки,

пахнет весной, появляется свежая травка. Мы с Е.З. Годиной, гуляя в выходной за пределами села, идем по проезжей дороге между двумя виноградниками, где пару недель назад бурлил сбор винограда. С бледно голубого неба, белоснежных облаков и рядов пожухлых виноградных лоз взгляд падает на землю. А там - настоящее чудо! Столь же бесконечными рядами, как и сам виноград, но во много раз ярче, зацвели тысячи крокусов. Я впервые видела эти ранние весенние цветы не в виде одинокого приземистого цветка в цветочном магазине, а в природе, да еще осенью, в конце октября, да еще и в таком количестве. Несмотря на великолепные картины осенних перелесков, встреченные на обратном пути через живописные Закаталы в Тбилиси, это белосиреневое в листьях свежей зелени полосатое море, над которым возвышаются изогнутые, почти без листьев, привязанные к невысоким вертикальным палкам, виноградные стволы, эти нежные с прожилками лепестки с крупными капельками влаги на них остались навсегда в моей памяти как олицетворение нестигаемой силы природы, как символ ее вечного возрождения...

Демократические выборы

1989 г. Осень. Наша группа под руководством В.А. Большакова трудится в с. Ульяновка Сигнахского района Грузии. Мы, в частности, работаем и в сельском совете, переписывая необходимые данные из хозяйственных книг. Весь СССР бурлит, организуются народные фронты, новые партии, движения. В Грузии на одно из воскресений назначено голосование за кандидатуры на должность Президента республики. Претендентов много. Общественное мнение села кандидатуру явного лидера в других районах – Звияда Гамсахурдию – не

поддерживает, прежде всего из-за его позиции о предоставлении особых прав грузинам по сравнению с другими народами республики. В день выборов в селе наблюдается оживление. Голосование будет проходить в помещении сельского совета. Приехало несколько черных «Волг» с энергичными молодыми людьми. Они «окружают» весь дом, где расположен сельсовет, встают в дверях. На каждого входящего смотрят внимательно, испытующе. Нельзя сказать, что очень громко, но так, что все слышат, стараются довести до каждого голосующего информацию, что если село проголосует против кандидатуры З. Гамсахурдия, то жителям придется уехать из Грузии и т.п. Надо сказать честно, атмосфера на избирательном участке была не из легких. Село все-таки проголосовало «против». Как мы все знаем, Звизада президентом избрали, правда, не слишком надолго. Сведения о современном положении села, достигшие нас позже – противоречивы, но, судя по ним, большая часть жителей села, особенно те, кто не мог довольствоваться низко квалифицированной поденной работой, все же уехали в разные, в первую очередь южные, регионы России.

Последний взгляд

Последняя поездка к русским старожилам состоялась в октябре 1990 г. После завершения исследования зубной системы детишек средних школ сел Красногорка Сагареджойского и Ульяновка Сигнахского районов Грузии, моей целью стал туркменистанский г. Ашхабад, куда был еще в Москве приобретен билет на самолет из Баку, поэтому предстояло выбрать какой-либо путь до столицы Азербайджана из Тбилиси.

С билетами, да и расписанием поездов появились значительные проблемы и, вспомнив свой путь, проделанный в 1986 г., уже описанный в начале, я решила ехать, что называется «на перекладных». Эта дорога, конечно более прямая, чем в 1986 г., позволила еще раз увидеть друзей и посмотреть, какова динамика миграций из некоторых сел через пять лет после их первого посещения, в те годы, когда уже начал полыхать Карабахский пожар, прогремели взрывы в Гяндже, но ГКЧП и август 1991 г. были еще впереди.

С. Беюк-Сеютлы. 1989 г. Зажигательный танец
Н.С. Михальченко и председателя колхоза М.М. Коробова (слева)
(фото А.Н. Ямскова)

Первая остановка на территории Азербайджана - в с. Беюк-Сеютлы Варташенского района, где медико-биологическая экспедиция работала в 1989 г. и где

председатель колхоза Михаил Михайлович Коробов оказал тогда нам великолепный прием. В этом, 1990, году прием был не менее радушным. Своей заботой и теплом окружила меня во второй раз семья Подосинниковых – Иван Иванович, Мария Егоровна, Михаил Иванович, Мария Ивановна и их замечательные, тогда еще не очень взрослые дети. Все они вместе с друзьями и соседями уже тогда подобрали себе места, куда можно переехать, договорились с местным начальством и сейчас уже десять лет живут в Краснодарском крае. Важно отметить, что большинство жителей русских сел Закавказья переселялись только группами семей. Почти никто не уезжал из родного села в одиночку или хотя бы одной семьей. И селиться, как показали исследования уже после распада СССР, они старались в тех местах, где ранее уже обосновались «родственные им души». Судя по имеющимся у меня данным, за которое специальное спасибо также М.М. Коробову, в настоящее время в Беюк-Сеютлу почти не осталось русских семей.

В Ивановке, куда я заехала позднее, ситуация оказалась совсем другая. Было специальное общее собрание колхоза. Приняли решение, если переезжать, то всем селом, всем вместе селиться на новом месте, стремиться получить достойную компенсацию за оставляемую здесь, в Ивановке недвижимость, чтобы было с чего начинать на новом месте. Последнее условие соблюсти практически было невозможно, т.к. уезжавшим из Азербайджана за их дома, скотные дворы и др. давали смешотворные суммы, составлявшие едва ли одну десятую, а то и меньше их реальной стоимости, в соответствии с логикой: «кто хочет, все равно уедет». Более того, все эмиссары, посылавшиеся в разные районы России с целью разведать ситуацию и обговорить условия переселения, принесли сведения, что практически никаких

«подъемных» в России нигде не будет, да и с землей, с пахотой, строительными материалами им скорее всего не смогут помочь. Поэтому еще на одном общем собрании было решено не оставлять Ивановку до тех пор, пока ситуация не станет совсем уж невыносимой. Но родители не удерживают молодое поколение от поступления в вузы России, от женитьбы там, просто от переезда. Пока, уже в наши дни, Ивановка еще жива. Думаю, что не в столь цветущем виде, как мы ее застали в 1986, 1987 и 1989 гг., но еще не уступает в конкуренции по многим сельскохозяйственным позициям другим селам республики. Не знаю вот точно, покупает ли до сих пор ивановский чеснок Франция, или уже нет. Говоря об этом селе не могу все же не упомянуть еще несколько фамилий, кроме уже называвшегося мной и ныне, к великому сожалению, покойного, Н.В. Никитина. Это и окружавшие все наши иногда весьма многочисленные отряды «кулинарной теплотой» Т.Г. Казакова, и домашним уютом в гостинице М.Т. Орлова, и председатель сельского совета (также ныне, увы, покойный) В.И. Казаков, много знавший об истории села, и семья В.Т. и М.М. Минниковых и другие милые, замечательные люди. Им также самая моя сердечная благодарность.

Отдельную работу могут составить воспоминания о рекогносцировочной поездке 1989 г. вместе с В.А. Большаковым, А.Н. Ямсковым и шофером Ю.П. Щитовым в Воронежскую, Тамбовскую, Липецкую области. Одни только названия сел – Верхняя Тишанка, Кривцы, Верхнее Чуево, Пахотный угол, Митрополье, Кочетовка, Сява, Ольшанка, Дуплято-Маслово, Лебедянка, Пановы Кусты, Уварово, Ромашинки, г. Мичуринск – помоему, греют душу.

В.А. Большаков и А.Н. Ямсков с информатором.
Тамбовская область, 1989 г.

Практически во всех этих населенных пунктах до сих пор есть сподвижники С. Уклеина, до наших дней, несмотря на гонения, начиная со времен Екатерины II, здесь действуют молоканские, духоборческие общины. Они, конечно, не велики, но при общем, до крайности, снижении «демографической людности» сел России, община в 25-30 человек, которая собирается на праздники в некоторых из них, не так уж и мала. А дома, которые в Тамбовской области (наверное, и в других близких – этнографы знают точнее) строят из полубревен, вставляя вертикально в каркас из целых бревен с пазом внутри распиленные пополам стволы сосны. А «пóмины», когда прежде чем подать традиционную для многих районов России домашнюю лапшу, подают так называемую окрошку, которая состоит из отдельно поставленной картошки и «кваска», и соленую селедку... Главным же впечатлением от этого

выезда была горечь и тоска за родную землю, когда проезжая десятки, даже сотни километров великолепных залежных черноземов, развалины богатейших когда-то соборов (как например, в с. Пахотный угол), населенные пункты попадаются крайне редко, да и домов-то в них не слишком много. Боюсь, что за прошедшие 12 лет картина в этих регионах изменилась не в лучшую сторону. Об этом говорят мои посещения деревень и сел Приуралья и Прикамья уже в середине 1990-х годов.

Вспоминаю, что по́мины, например, в Ульяновке (Грузия) – совсем другие. Все, пришедшие почтить память покойного, сидят за несколькими большими, длинными общими столами. Главным «блюдом» является чай из самоваров, которые в большом количестве ставятся на стол. Но самое сильное впечатление, завораживающее и доходящее до самой глубины души, было, конечно, коллективное пение молokane псалмов. Даже не зная слов этих священных гимнов, мы стали как бы частицей этой, небольшой на самом деле, общины. Мне показалось, что все наши души слились во что-то большое, единое и поэтому ничего не страшно.... Поток таких деталей нескончаем.

Еще нельзя не вспомнить «теплый» прием в средней школе с. Пески, который, я думаю, на забыт всеми участниками экспедиции - сотрудникам НИИ и Музея антропологии МГУ и МИЦ «Аэрозоль» из г. Санкт-Петербурга, когда сырой, достаточно уже холодной осенью нас поселили в старые мастерские, где вместе с нами проживали, обрадованные новой компании, «милые» серые пушистые длиннохвостые существа...

*Лучшие гор - могут быть только горы,
на которых еще не бывал*

Что же такое экспедиция вообще? Почему какая-то часть (ранее весьма незначительная, а сегодня – подавляющая) антропологов и этнографов благополучно обходится без этих поездок, а некоторые домочадцы даже «бухтят»: «Дома вам не сидится!»; дети, когда хотят досадить, вспоминают: «Мы тебя и не помним, ты все время где-то ездила, а с нами с раннего детства сидели бабушки». Можно, наверное, прочитав много книг, увидев из окна поезда или автомобиля города и веси, сделать какие-то выводы, даже антропологические. Будут ли они отражать реальную ситуацию – другой вопрос – наверное, смотря о чем вывод. Но понять, например, Среднюю Азию, посетив только Арк в Бухаре и Регистан в Самарканде, - невозможно. Не видя эти мировые ценности, понять этот регион, его историю – тоже нельзя, но не побывав в кишлаках и аулах, юртах и домах горцев, в горах и песках, в дельтах Амударьи, Сырдарьи и в их среднем течении... будешь принимать ответственные решения типа тех, которые после 11 сентября 2001 г. принял президент США. Безусловно то же самое касается и Кавказского, да и любого другого региона: только зная досконально что, как и где, можно быть уверенным, что твои прогнозы окажутся близкими к истине. Помните диалог в «Гамлете»? Принц датский предлагает Гильденстерну сыграть на флейте, а тот отказывается. Тогда Гамлет удивленно говорит: «это же так просто – как лгать;... Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете? На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете;... или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом, - вы можете расстроить (в пере-

воде Лозинского – терзать) меня, но играть на мне нельзя!» Так или почти так и терзают политологи, политики «по разуму, по понятиям», но без реальных знаний не одного человека, пусть даже принца, а целые народы и обширные территории...

Но это только одна сторона – прикладная, так сказать, - экспедиций. По человечески не менее важна и другая, сугубо личная. Любая экспедиция дает возможность горожанину, каковыми обычно являются почти все, посвятившие свою жизнь научным изысканиям, соприкоснуться с тем миром, который мы в городе потеряли. Это тихий шорох (или трепет в зависимости от времени года) листьев в лесу, не омраченный грохотом машин и их выхлопными газами; солнце восходящее или заходящее за горизонт, а не за заводские трубы; сон в спальнике на легкой подстилке (а ведь еще 30 лет назад чаще всего спальник был ватный, т.е. более естественный, хотя и тяжелей, чем из синтепона, и стелился он прямо на хвойные ветки); вечера у костра, а не у камина, когда тебя, точнее всех нас, окружает или бескрайность степи, или таинственно темнеющий лес, не огороженный никакими заборами, шуршащий морской прибой или хотя бы плеск воды по гальке, а не по гранитной набережной, в маленькой речке... А раскрытие человека во всей красе его достоинств и недостатков именно в экспедиции: «...там он в связке одной с тобой, там поймешь, кто такой!». Человек – был и пока еще остается частью живой природы. Он, конечно, всеми силами старается от нее оторваться, делает евроремонты, строит небоскребы, «самобеглые коляски» и самолеты, но душа его (во всяком случае у значительной части представителей *Homo sapiens*) все равно стремится к естественному виду и ходу вещей. Поэтому-то мои (да, наверное, не только мои) дети не совсем правы, об-

виняя нас, что мы бросали их на попечение бабушек и тетюшек (кстати сказать, полного отстранения старшего поколения от воспитания своих потомков нет ни в одном традиционном обществе – значительная часть информации передается не путем книг, телевизоров, интернета и прочих достижений цивилизации): многие сотрудники и детей брали в поездки. Мои, например, уже в школьном возрасте смогли побывать и во всех республиках Закавказья, и в Туркменистане, и на Урале, они не в кино или в зоопарке видели и могли «пощупать» плюшевую шерсть маленьких верблюжат и ослят, которые, как известно, по Москве уже давно не ходят, купались и в горячих ключах, и в соленой речке около Небит-Дага, и были в карстовой пещере под Бахарденом с ее горячим подземным озером, и, как я писала выше, знают, что такое молоканские села в Азербайджане, как растет виноград, как хлеб пекут в русской печи, а из молока делают домашний сыр... Разве многие взрослые это сами видели! Мне кажется, человек не должен (а может и не сможет, все таки?!) становится «придатком» достижений своей цивилизации. Он будет скорее, как это и есть пока, окрашивать их (эти «достижения») в свои, этнические, национальные краски (как некоторые бы и не были против этого), но стремиться все же оставаться в гармонии с природой. Ведь недаром конструкции Эйфелевой башни совпадают в целом со строением длинных костей человеческого скелета! В этом, видимо, и заключается настоящая экология, а также и ее часть – этническая экология.

Что сказать в заключение? Обе проблемы, над которыми работал меняющийся научный коллектив и в разработку, и в формулировку которых много вложил первый руководитель сектора В.И. Козлов, много дали всем участникам, показали необходимость и возможность проведения сложных комплексных исследований, на многие вопросы заставили посмотреть с новой стороны, оказались крайне важными в научном отношении. Выросшая из более частной проблемы долгожительства отрасль – этническая экология как направление о формировании, развитии и взаимодействии систем жизнеобеспечения этносов – могла бы, при ее дальнейшем развитии, стать темой, а точнее целым комплексом тем для целого института. Но развитие фундаментальных проблем пока мало кого волнует. Занятые необходимостью сиюминутной «борьбы за существование», многие забывают, что не финансируя подобного рода исследования, мы уже скоро не сможем решить ни одну текущую проблему, в том числе и касающуюся здоровья населения, как физического так и психического... Времена меняются. Будучи оптимистом, всегда надеешься на лучшее, хотя бы в будущем. Поэтому будем доводить до публикации ранее собранные материалы и готовиться к новым полевым выездам.

И, наконец, последнее. Имея некоторое отношение к подготовке данной книги к изданию, я с удовольствием не один раз, чтобы в нужном месте разместить, в частности, фото, прочитала все очерки, здесь помещенные. Это, кроме всего прочего, затронуло в моей памяти многие ранее спавшие пласты, и читая заметки других, очень трудно было удержаться и не написать что-то из своих воспоминаний, связанных с той или другой темой, они за собой тянули другие, те – третьи и т.д. Но самое главное, хочу обязательно сказать сердечное спа-

сибо «вдохновителю и организатору наших побед», как бы «великому кормчему, отцу всех» этноэкологов – Виктору Ивановичу Козлову. За то, что он поднял нас на это дело, всколыхнул дремавшие и таившиеся в глубине мысли и обобщения. Без него не было бы этих очерков (а если бы они и были, то, наверное, другие), не было бы сектора в том виде, как он работал в Закавказье (а если бы и был, то был бы совсем другой), да и мы, не попади в сектор этноэкологии тоже были бы другими. Именно Виктор Иванович не просто собрал тех, кого собрал, в единый коллектив, он сумел во многих из нас зажечь искры интереса к пограничной тематике, которые они до сих пор и пытаются разжигать до пламени. У кого уж как получается – другой вопрос!

